

В. Г. ЗУБАРЕВ, Д. Ю. ПОНОМАРЁВ, В. А. ЕФИМЕНОК

НОВЫЙ СКЛЕП С ПОЛУЦИРКУЛЬНЫМ ПЕРЕКРЫТИЕМ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ»

Некрополь городища «Белинское», площадь которого составляет около 8 га, расположен в Восточном Крыму, на Керченском полуострове, в 1,5 км к югу от с. Белинское Ленинского района АРК, на территории Европейского Боспора, в 600 м к востоку от городища «Белинское». К настоящему времени на центральном участке некрополя исследованы двадцать два склепа и тринадцать грунтовых погребений. Подавляющее большинство склепов относится к типу вырубных склепов с коротким дромосом. Они имеют несомненное сходство со склепами таких могильников, как Нейзац, Дружное, Инкерман и др. в Предгорном Крыму [Храпунов, 2004, с. 138, 148]. Определённые параллели им обнаруживаются и на Северном Кавказе [Храпунов, Мульд, 2004, с. 376]. Все исследованные склепы этого типа относятся ко времени не ранее второй половины III в. н. э.

Вплоть до недавнего времени единственным более ранним склепом, выявленным на некрополе городища «Белинское», являлся склеп № 7 из раскопок 2006 года. Конструктивно он относится к типу прямоугольных вырубных склепов с искусственным сводом. Для его сооружения использовался заброшенный участок древнего карьера, а само сооружение может быть датировано временем не позднее первой половины – середины III в. н.э. [Зубарев, Ланцов, Минаев, 2007, с. 148-149].

В 2012 году на центральном участке некрополя был обнаружен и исследован склеп № 19. Конструктивно он близок склепу № 7 и состоит из дромоса и погребальной камеры, вырубленных непосредственно в материковом скальном грунте (ракушечник жёлтого цвета) (рис. 1-2). Ориентация по продольной оси СЗ – ЮВ. Могильная яма трапезиевидной формы. Вход в погребальную камеру перекрывала закладная плита, сохранившаяся *in situ*. Верхний край плиты отколот и провален в погребальную камеру (грабительский лаз). Погребальная камера - прямоугольной в плане формы, площадью 17,28 м² (4,8 м X 3,6 м). Высота погребальной камеры без учета перекрытия составляет 1,6 м. На стенах, в противоположной от дромоса части погребальной камеры четко прослеживаются следы воздействия высоких температур. Северо-восточная и юго-западная стены имели заплечики. Пол склепа скальный, неровный. Для выравнивания использовалась подсыпка из жёлтого песка и азовской ракушки. В северо-западной стене на уровне пола выявлен небольшой тайник. На северо-восточной и юго-восточной стенах сохранился ряд хорошо прочерченных граффити, часть из которых можно

интерпретировать как строительные метки, относящиеся ко времени строительства склепа (рис. 3), а часть, по-видимому, была связана с более поздним временем, когда склеп уже перестал функционировать как погребальное сооружение, был разграблен и использовался для иных целей (об этих граффити речь пойдёт ниже).

Грунт заполнения многослойный и образовался, вероятно, как в результате действий грабителей, так и в результате последующего обрушения перекрытия. Над перекрывающей пол подсыпкой из песка располагался слой золы, сосредоточенный преимущественно в дальней от дромоса части погребальной камеры. Затем следовал слой светло-коричневого суглинка, идущий с понижением от дромоса и, наконец, всё это было перекрыто слоем гумусированной супеси, образовавшимся в результате обрушения перекрытия погребальной камеры. Часть сохранившихся хорошо обработанных каменных блоков перекрытия была выявлена в заполнении погребальной камеры. Особенности их расположения (с понижением к дальней стене погребальной камеры) позволяют предположить, что к моменту их падения большая часть внутреннего пространства камеры была уже заполнена землёй. Наличие среди каменных блоков блока клиновидной формы, а также возможность отчасти восстановить их первоначальное положение даёт основание определить конструкцию перекрытия погребальной камеры как полуциркульную (рис. 4). Сверху склеп был, вероятно, перекрыт курганной насыпью.

Подобные склепы на Боспоре хорошо известны ещё с эллинистической эпохи [Гайдукевич, 1949, с. 293-294]. Наиболее близкие по времени аналогии склепу № 19 известны по материалам некрополя городища «Артезиан». Н. И. Винокуров рассматривает их как долговременные погребальные сооружения, в которых производились «захоронения аристократической, наиболее зажиточной и родовитой прослойки населения крепости» [Винокуров, 2011, с.237].

В нашем случае кости скелетов были сосредоточены в трёх компактных группах. Они сильно фрагментарны, раздроблены и сосредоточены большей частью в слое золы (но без следов воздействия огня), меньшей – на подсыпке из песка и в слое светло-коричневого суглинка. При этом в каждой из групп находились фрагменты, составляющие одно целое с фрагментами такой же кости из других групп. Аналогичные скопления костей встречались и на некрополе городища «Артезиан». Они могли быть связаны как с обрядом «выставления» при перезахоронении костей, так и, что более вероятно, с действиями грабителей [Винокуров, 2011, с. 240].

В ходе исследования антропологического материала применены как классические антропологические методики [Алексеев, 1966, с. 1-248], так и методики, широко используемые в судебно-медицинской криминалистике при изучении скелетированных трупов. Половая и возрастная принадлежность костей определялась по надколеннику, а рост был вычислен по длинным трубчатым костям по формулам Пирсона [Пашкова, Резников, 1978, с. 1-288; Колесников, 1980, с. 1-5]. Также был использован широкий спектр научных работ и публикаций в области патологии костно-суставного аппарата.

Полученные данные выглядят следующим образом.

КОСТИ ЛИЦ ДЕТСКОГО ВОЗРАСТА

Для идентификации пригодны длинные трубчатые кости (бедренная, большая берцовая, лучевая и плечевая), которые представлены 15-ю экземплярами. Эпифизы костей не синостозированы. Биологический возраст индивидов определялся по длине кости в соответствии с табличными данными В.П. Бондырева [по Пашкова, Резников, 1978, с. 1-288].

ТАБЛИЦА № 1. Результаты определения возраста смерти среди лиц детского возраста.

№ п/п	Наименование кости	Длина, в мм	Возраст индивида
1.	Лучевая кость, правая	65	Новорожденный (?)
2.	Лучевая кость, правая	72	0-3 мес
3.	Большая берцовая кость, правая	110	3-6 мес
4.	Бедренные кости, правая и левая	142	6-9 мес
5.	Большие берцовые кости, правая и левая и бедренная кость, правая	155 и 185	2-3 лет
6.	Большая берцовая кость, правая	155	2-3 лет
7.	Бедренная кость, левая	195	2-3 лет
8.	Бедренная кость, левая	190	2-3 лет
9.	Бедренная кость, правая	224	4-5 лет
10.	Большая берцовая кость, правая	204	5-6 лет
11.	Плечевая кость, левая	233	11-12 лет
12.	Большая берцовая кость, левая	295	12-13 лет
13.	Локтевая кость, левая	206	13-14 лет
Всего индивидов детского возраста - 13			

Таким образом, в склепе № 19 были погребены 13 детей в возрастном диапазоне от 0 до 13 лет, при этом один из них, возможно, являлся новорожденным, хотя не исключено, что и мертворожденным, или же смерть женщины наступила в ходе родовой деятельности с плодом в матке или в родовых путях. Полученные данные показывают, что пик детской смертности приходился на 1-й детский возраст (до 7 лет) – 10 индивидов, что составило 76,9% от общей детской смертности. Во втором детском возрасте (7-14 лет) умерло 3 индивида – 23,1%. Усредненный возраст смерти детей составил 2,6-3,02 лет. Некоторое удивление вызывает отсутствие в склепе погребенных лиц юношеского возраста (14-18 лет). Приведенная характеристика детской смертности характерна для античных и средневековых палеопопуляций, что связано с неустойчивостью детей до года к воздействующим на них факторам внешней среды и проявлениям переносимых заболеваний.

КОСТИ ВЗРОСЛЫХ ИНДИВИДОВ

Общая характеристика материала.

Как было указано нами выше, кости взрослых индивидов из склепа № 19 исследовались в совокупности, с сортировкой их в соответствие с анатомической номенклатурой. Кости различной степени сохранности: длинные трубчатые и плоские фрагментированы, представлены множеством мелких осколков, которые в большинстве непоставимы между собой. Намного лучшая сохранность у коротких трубчатых и мелких губчатых костей. Но наиболее информативным в нашем исследовании оказался надколенник, который и дал максимальную информацию о количестве индивидов.

ТАБЛИЦА № 2. Характеристика антропологического материала
от скелетов взрослых индивидов.

№ п/п	Наименование кости (целые и фрагменты)	Количество
1.	Череп	98
2.	Ключица	12
3.	Тазовая кость	17
4.	Лопатка	7
5.	Крестец	9
6.	Атлант (1-й шейный позвонок)	2
7.	2-7-й шейные позвонки	27
8.	Грудные позвонки	32
9.	Поясничные позвонки	28
10.	Плечевая кость	7
11.	Лучевая кость	7
12.	Локтевая кость	20
13.	Бедренная кость	9
14.	Большая берцовая кость	3
15.	Малая берцовая кость	15
16.	Надколенник	14
17.	Грудина	3
18.	Ребра	148
19.	Пястные и плюсневые кости, кости запястья и предплюсны	238
Всего исследовано - 698 целых костей и их фрагментов		

Половая и возрастная структура взрослой части погребенных.

В нашем случае только лишь надколенник стал для исследования наиболее ин-

формативной костью, поскольку ее анатомические особенности позволяют более всего сопротивляться механическому воздействию грунта. Всего было найдено и исследовано 14 надколенников, среди которых выявлено 5 пар, принадлежавших 5-ти индивидам, а остальные 4 (разрозненные) относились к скелетам других 4-х индивидов. Таким образом, в склепе № 19 было погребено не менее 9-ти взрослых индивидов. Определение половой принадлежности надколенников по метрическим данным в соответствии с методикой В.Л. Колесникова [Колесников, 1980, с. 1 – 5] показало, что они принадлежали скелетам 4-х мужчин и 5-ти женщин.

Также был определен биологический возраст индивидов по методике В.Л. Колесникова [Колесников, 1980, с. 1-5], основанной на визуальной и стереомикроскопической оценке поверхностей надколенника, рассчитываемой в баллах.

ТАБЛИЦА № 3. Определение возрастного состава взрослых индивидов по надколеннику.

№ п/п	Надколенник	Возрастные изменения, в баллах	Пол индивида	Возраст индивида, лет
1.	Правый и левый	12	мужской	19-29
2.	Правый и левый	14	мужской	23-33
3.	Правый и левый	16	мужской	27-37
4.	Правый и левый	27	мужской	50-60
5.	Правый и левый	12	женский	19-29
6.	Левый	12	женский	19-29
7.	Левый	13	женский	25-35
8.	Левый	16	женский	27-37
9.	Левый	17	женский	29-39
Всего – 9 индивидов, из них 4 мужчин и 5 женщин.				

Таким образом, половозрастная характеристика среди взрослой части погребенных выглядит следующим образом. Среди 9-ти взрослых индивидов, захороненных в склепе № 19, оказалось 4 мужчин и 5 женщин, что соответственно составило 44,4% и 55,6%. Ситуация с возрастной структурой популяции вполне приемлема для античных и средневековых групп населения. Так, средний возраст взрослых индивидов обоего пола с учетом лиц детского возраста составил 13,9-18,6 лет, при этом расчет проводился без учета данных по новорожденному. В целом средний возраст смерти для взрослой части погребенных находится в пределах 26,4-36,4 лет. Усредненный возраст для взрослых лиц мужского пола составил 29,8-39,8 лет, а для женщин 23,8-33,8 лет, при этом необходимо отметить, что смерть 75% мужчин и 80% женщин пришлась на возрастной диапазон до 40 лет, ну а пики смертности на таком незначительном по количеству мате-

риале, конечно же, выделить невозможно. Полученные нами данные можно наглядно представить в гистограмме и таблице.

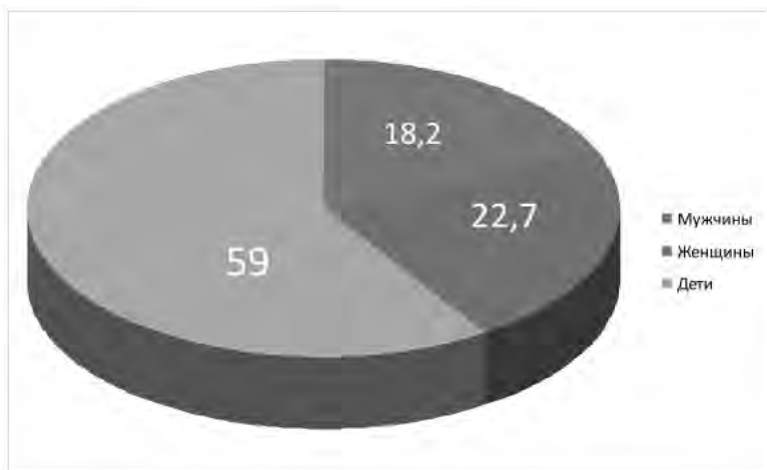

ТАБЛИЦА № 4. Характеристика возраста смерти среди погребенных в склепе № 19.

Средний возраст смерти среди всех погребенных (взрослые и дети)	13,9 – 18,6 лет
Средний возраст смерти среди взрослых (мужчины и женщины)	26,4 – 36,4 лет
Средний возраст смерти среди лиц детского возраста	2,6 – 3,02 лет
Средний возраст среди взрослых мужчин	29,8 – 39,8 лет
Средний возраст смерти среди взрослых женщин	23,8 – 33,8 лет

Характеристика роста взрослых индивидов.

Определить рост по длине локтевых костей (из длинных трубчатых костей только они и остались в склепе целыми) удалось только для четырёх индивидов.

ТАБЛИЦА № 4. Рост отдельных индивидов, погребенных в склепе № 19.

№ п/п	Длина лучевой кости, мм	Пол	Рост при жизни, см
1.	233	Мужской	162,1
2.	226	Мужской	159,8
3.	234	Мужской	162,5
4.	190	Женский	144,7

Таким образом, средний рост для мужчин составил 161,5 см, а среди женщин мы имеем только одно наблюдение. В соответствие с рубрикацией Rollet, 1888 [по Пашкова, 1975] рост одного из мужчин (159.8 см) приходился на группу «маленький рост», у остальных (162.1 см и 162.5 см) на группу «ниже среднего». Рост женщины (144.7 см) относится к группе «маленький рост». Проводить какой-либо анализ полученных данных не приходится в связи с малочисленностью наблюдений.

Кости скелета с патологическими и посттравматическими изменениями.

Среди костного материала из склепа № 19 обнаружены интересные объекты с изменениями, связанными с перенесенной травмой.

Посттравматический спондилит (Болезнь Кюммеля-Вернея).

Болезнь Кюммеля-Вернея (m. Kummel – Verneuil). Синонимы: синдром Кюммеля, спондилит Кюммеля, кифоз Кюммеля, травматический спондилит и пр. Описана в 1891 г. немецким хирургом Kummel и в 1892 г. французским хирургом Verneuil A.A.S. Болезнь развивается у лиц, перенесших травму позвоночного столба. Через несколько недель или даже лет (2-3) развивается кифотическая деформация позвоночного столба на месте клиновидной деформации позвонка. Деформация развивается вследствие асептического некроза губчатого вещества позвонка, как следствие кровоизлияния после травмы (Меженина, 1982, с. 78). Чаще возникает в поясничном отделе позвоночника, преимущественно у мужчин, занимающихся тяжелым физическим трудом или же после острой однократной травмы. Так как пораженный позвонок все время выполняет свою функцию и испытывает нагрузку, то он в процессе восстановления все больше и больше сплющивается. Процесс имеет три стадии. Первая стадия (острая травма и стадия полного здоровья пострадавшего) для палеопатологов визуально неразличимы, а вот третья – стадия рецидива – характеризуется видимыми морфологическими изменениями. Бросается в глаза сплющивание пораженного позвонка. Он уменьшается в высоте преимущественно в передней своей части, при этом сплющивание может достичь одной трети нормальной высоты позвонка. Передняя поверхность тела позвонка правильно вогнутая, верхний и нижний края несколько заострены и выступают вперед.

У одного из мужчин, захороненном в склепе № 19, это заболевание выявлено на 3-м поясничном позвонке (рис. 5). Позвонок массивный, с резко подчеркнутой талией тела в виде песочных часов. При виде сбоку тело позвонка клиновидно сплющено кпереди, при этом высота тела спереди на 1/3 меньше, чем сзади. На краниальной и каудальной поверхностях тела по переднему и боковым краям локализованы массивные костные образования. Они выступают на расстояние до 1 см, и идут как горизонтально кпереди, так и направляются несколько книзу. Передняя поверхность тела вогнутая. Кроме того, в центре краниальной поверхности тела позвонка локализуется блюдцеобразное углубление, размерами 1,5 x 0,8 см, глубиной 0,4 см, в окружности которого балки губчатого вещества уплотнены и сгущены (т.н. грыжа Шморля). Дно углубления представлено губчатой костной тканью. Учитывая отсут-

ствие на лимбусе, а также на краниальной и каудальной пластинках тела позвонка признаков межпозвонкового остеохондроза, следует полагать, что данные изменения связаны с наличием у умершего острой однократной травмы позвоночника или же травмы, связанной с чрезмерными нагрузками в вертикальном осевом направлении [Тагер, 1983, с. 178 – 180]. Кроме того, посттравматический характер этих изменений также подтверждается тем, что на краниальной и каудальной пластинках выявлены остаточные следы т.н. радиальной исчерченности, которая в норме исчезает уже к 27-30 годам [Джамолов, 1978, с. 3]. Таким образом, этим мужчиной мог быть индивид, умерший в возрасте 19-29 лет, о котором мы упоминали в разделе «возрастная структура популяции». В таком возрасте он никак не мог иметь возрастных, связанных со старческими процессами, дегенеративных изменений в позвоночнике, и эти изменения могли быть связаны только с травмой.

Посттравматический тендиноз. После острой или же хронической травмы, сопровождающейся значительным кровоизлиянием или «подкравливанием» в сухожилие (в месте прикрепления к кости) в результате организации кровоизлияния часто возникает обызвествление, а в дальнейшем и окостенение. Этот процесс протекает метапластически в соединительной ткани или же в соединительнотканых прослойках между концевыми мышечными пучками. Последние при этом за счет давления новообразованной кости гибнут.

На нашем материале у мужчины в возрасте порядка 20-40 лет на правой пяточной кости в месте прикрепления пяточного (ахиллова) сухожилия к пяточному бугру, с помощью которого икроножная мышца голени фиксируется к пяточной кости, локализируются выраженные, множественные, остроконечные остеофиты, направленные вверх, высотой 0,3-1,2 см (рис. 6). Данные изменения характерны для патологического состояния – ахиллобурсита, который в случае развития болевого синдрома носит название болезнь Альберта [Меженина, 1982, с. 7]. Болевой синдром обычно возникает в случае травмирования заостренными верхушками остеофитов волокон сухожилия.

Кроме того, на этой кости обнаружено еще одно патологическое образование – костный выступ клювовидно-конусовидной формы, отходящий от пяточного бугра вперед, размерами 2,2 x 1 x 0,4 см. Подобные образования связаны с хронической травмой подошвенного апоневроза стопы в месте ее прикрепления к пяточному бугру. В литературе данное образование часто носит название «нижняя пяточная шпора».

Итак, анализ антропологического материала позволяет сделать следующие выводы:

- в склепе № 19 были захоронены не менее 22-х человек, из которых 9 взрослых индивиды и 13 – лица детского возраста, что соответственно составило 40,9% и 59,1%;
- среди умерших взрослых индивидов было 4 мужчин и 5 женщин, что соответственно составило 44,4% и 55,6%. Подобный перевес женщин в популяции не характерен для древнего населения и, скорее всего, обусловлен как малочисленностью изученного материала, так и тем, что склеп может быть являлся семейным - родовым, то есть не отражал структуру популяции в целом;

- ситуация с возрастной структурой популяции вполне приемлема для античных и средневековых групп населения, Однако если принять точку зрения Н. И. Винокурова о том, что в склепах хоронили аристократическую верхушку населения, столь высокая детская смертность может быть связана и с резким ухудшением условий жизни.
- средний возраст смерти детей составил 2,6 – 3,02 лет и пришелся на следующие периоды: новорожденный, 0-3 мес., 3-6 мес., 6-9 мес., 2-3 лет, 2-3 лет, 2-3 лет, 2-3 лет, 4-5 лет, 5-6 лет, 11-12 лет, 12-13 лет и 13-14 лет. При этом нельзя отвергнуть предположение, что вышеуказанный новорожденный мог быть мертворожденным или же погибнуть в чреве матери в ходе родовой деятельности;
- смерть взрослых лиц наступила в возрастные периоды: 19-29 лет, 19-29 лет, 19-29 лет, 23-33 лет, 25-35 лет, 27-37 лет, 27-37 лет, 29-39 лет и 50-60 лет. Средний возраст взрослых индивидов обоего пола с учетом лиц детского возраста составил 13,9-18,6 лет (расчет проводился без учета данных по новорожденному). Усредненный возраст для взрослых лиц мужского пола при расчетах пришелся на 29,8-39,8 лет, а для женщин - 23,8-33,8 лет. Хотя у мужчин перевес и незначителен, тем не менее отображает реальную картину в демографии того времени, которая уже многократно отображена в работах ученых. Также хочется отметить, что смерть 75% мужчин и 80% женщин приходилась на возрастной диапазон до 40 лет.
- на костях двух мужчин из склепа № 19 обнаружены патологические посттравматические изменения, а именно: болезнь Кюммеля-Вернея (посттравматический спондилит) и посттравматический оссифицирующий тендиноз в области бугра пяточной кости, возникновение которых связано как с хронической, так и острой однократной травмой позвоночника и стопы. Отсутствие на костях скелета взрослых индивидов каких-либо следов заболеваний не связанных с травмой, можно объяснить вышеуказанным преобладанием в склепе лиц, умерших в возрасте до 40 лет.

Кроме человеческих останков в склепе № 19 выявлены кости животных. Большинство из них принадлежит мелкому рогатому скоту и является остатками жертвоприношений или тризны. Их достаточно компактное местоположение в погребальной камере слева от входа рядом и даже внутри переносного алтаря, сохранившего положение *in situ*, подтверждает данный вывод.

Большая часть погребального инвентаря, найденного в грунте заполнения погребальной камеры, сохранилась фрагментарно. Обращает на себя внимание присутствие среди него довольно многочисленных обломков лепной керамики: нескольких мисок, горшковидных сосудов и одной плошки. Их формы характерны для лепной керамики первых веков н.э.¹

¹ Обработка лепной керамики проведена В. П. Власовым (г. Симферополь).

Вторую по численности группу вещей из грунта заполнения погребальной камеры составляют фрагменты краснолаковой керамики.

1. *Фрагменты дна и венчика блюда с рельефным изображением Гелиоса на квадриге в круглом медальоне* (рис. 7.1). Это наиболее ранняя форма краснолаковой керамики, представленная в погребальном инвентаре склепа № 19. Подобные блюда часто встречаются на памятниках первых веков н.э. в Северном Причерноморье и датируются второй половиной II – серединой III вв. н. э. [Сон, Шапцев, 2012, с. 90-91].
2. *Фрагмент венчика овального блюда с ручкой* (рис. 7.2). Подобные блюда также широко известны в Северном Причерноморье в слоях конца II – первой половины III вв. н. э. [Журавлёв, 2013, с. 682]. Отметим, что в непосредственной близости от склепа № 19 в 2008 году была обнаружена группа грунтовых могил с захоронениями второй половины II – начала III вв. н. э. [Зубарев, 2009, с.281]. Вероятно, этим временем следует датировать и первые погребения в склепе № 19, который был на данном участке некрополя своеобразным центром [Винокуров, 2011, с. 237].
3. *Прочая краснолаковая керамика*, найденная в основном в слое светло-коричневого суглинка, представлена менее значительными обломками более поздних форм. К их числу относятся фрагменты блюда с горизонтально отогнутым краем, мисок на кольцевом и псевдокольцевом поддоне, кубка на кольцевом поддоне и тарелок с вертикальным бортиком. Наиболее вероятная дата их попадания в склеп вторая половина III в. н.э.²

Третья группа вещей из погребального инвентаря представлена изделиями из кости. *Набор игральные кости* (рис. 7.3). В грунте заполнения найдено шесть игральные кости. Все они хорошо обработаны, на двух астрагалах имеются сквозные отверстия, на четырёх на боковых гранях – углубления. Учитывая то обстоятельство, что все астрагалы находились в переотложенном грунте и не представляли собой компактного скопления, судить о времени их попадания в склеп не представляется возможным. Отметим лишь, что подобные наборы были типичны для погребений детей и юношей [Петерс, 1986, с. 79]. *Фрагмент изделия с утраченной верхней частью (игла или проколка ?)* (рис. 7.4). Поверхность кости хорошо отполирована, нижний край заострён. Подобные изделия широко представлены как в слоях античного времени на поселениях, так и в погребениях на некрополях Северного Причерноморья [Петерс, 1986, с. 50-51]. *Костяной стержень* (рис. 7.5). Поверхность хорошо отполирована. Имеется кольцевая обработка по шейке со стороны тупого конца. Подобные стержни, возможно, служившие проколками, часто встречаются в слоях античного времени на поселениях [Петерс, 1986, с. 52-53]. В нашем случае изделие найдено в тёмно-сером грунте позднего перекопа и его отнесение к погребальному инвентарю достаточно условно.

² Обработка краснолаковой керамики проведена М. С. Шапцевым (г. Симферополь).

Монета. Найдена почти на уровне пола погребальной камеры вблизи закладной плиты рядом с одним из трёх скоплений костей погребённых. Диаметр монеты – 16 мм. Толщина – 3 мм. Вес – 5 г. Денарий Рескупорида V. Л. с. – царь вправо, трезубец. О. с. – сидящая на троне богиня влево, звезда (рис. 8). Найденный денарий по своим метрологическим данным (диаметр 16мм и вес 5г), а также вполне читаемой надписи имени царя относится к третьей группе медной чеканки Рескупорида V, которая датируется временем до 267 г н. э. [Фролова, 1997, с. 67].

Переносной алтарь (рис. 7.6). Найден *in situ* на полу погребальной камеры справа от закладной плиты рядом с тайником. Изготовлен из ракушечника жёлтого цвета. В центре на дне сквозное отверстие – слив. Подобные алтари имели место и на городище «Белинское». В частности один был найден в заполнении хозяйственной ямы, а ещё один в домашнем святилище, датируемым второй половиной III – первой четвертью IV вв. н. э. На соседнем с «Белинским» городище «Артезиан» они были обнаружены в слое разрушения святилища первой половины III в. н. э. [Винокуров, 1998, с.146, рис. 54.3].

Прочие находки из склепа № 19 представлены несколькими фрагментами железных гвоздей, незначительными фрагментами изделий из меди и обломком морской гальки.

Итак, наиболее ранние остатки погребального инвентаря относятся ко времени не ранее второй половины II в. н. э. Отметим, что в непосредственной близости от склепа № 19 в 2008 году была обнаружена группа грунтовых могил с захоронениями второй половины II – начала III вв. н. э. [Зубарев, 2013, с. 173]. Вероятно, этим временем следует датировать и первые погребения в склепе № 19, который был на данном участке некрополя своеобразным центром [Винокуров, 2011, с. 237].

Строительство склепа № 19 приходится на время максимального расцвета городища «Белинское» - II – первая половина III вв. н. э. (впрочем, как и всего Европейского Боспора в римский период), когда население сельской, достаточно удалённой от столицы, территории могло позволить себе возведение монументальных погребальных сооружений. Прекращение функционирования погребального комплекса и, скорее всего, его разграбление приходится на вторую половину III в. н. э. После этого времени погребения на некрополе представлены исключительно вырубными склепами с коротким дромосом, ранее здесь не встречавшимися. Подобная картина наблюдается и на некрополе городища «Артезиан». Здесь также первые массовые ограбления наиболее значимых погребальных сооружений относятся ко второй половине III в. н.э. (правда, Н. И. Винокуров связывает их в первую очередь с сейсмической катастрофой), а по материалам раскопок городища фиксируются существенные изменения в строительных традициях и материальной культуре [Винокуров, 2011, с.244].

Находка в склепе № 19 денария Рескупорида V позволяет сузить дату последних захоронений в склепе и датировать их временем не позднее 60-х гг. III в. н. э. С другой стороны, ранее при раскопках на северном участке городища «Белинское» был обнаружен ещё один денарий Рескупорида V [Зубарев, Куликов, 2011, с. 180]. Его

вес – 3,51 г. – и качество изображения (надпись практически не читается) соответствует четвёртой группе медной чеканки этого царя, датируемой предположительно временем после 267 г. н. э. [Фролова, 1997, с. 67]. Монета была найдена в основании кладки фундамента юго-восточной стены помещения № 5 и попала туда, вероятнее всего, в момент строительства помещения. Таким образом, как минимум до конца 60-х годов III в. н. э. городище и его некрополь продолжали функционировать. Нашу прежнюю оценку времени разрушений на городище «Белинское» началом 50-х годов III в. н. э. следует признать ошибочной [Зубарев, 2005, с.125].

Наиболее вероятными рубежными датами кардинальных изменений на городище «Белинское» (городище сначала подверглось разрушению, а затем было восстановлено, но уже в новой модели фортификации) и его некрополе (переход к строительству вырубных склепов с коротким дромосом) следует считать либо поход 267-268 гг., либо поход 275-278 гг., а, возможно, и весь этот период в совокупности. Во всяком случае преодолеть кризис удалось лишь к середине 80-х годов III в. н.э. Именно тогда начинается восстановление и реконструкция оборонительных сооружений на городище «Белинское» (наиболее ранний статер Фофорса, найденный здесь, датируется 288 г. н. э.). Тогда же дополнительным панцирем были усилены башни на Ките [Молев, 2002, с. 304] и, по-видимому, был возведён комплекс крепости на горе Опук [Голенко, 2007, с. 107-112, 125].

Подобная картина наблюдается и на некрополе городища «Артезиан». Здесь также первые массовые ограбления наиболее значимых погребальных сооружений относятся ко второй половине III в. н. э. (правда, Н. И. Винокуров связывает их в первую очередь с сейсмической катастрофой), а по материалам раскопок городища фиксируются существенные изменения в строительных традициях и материальной культуре [Винокуров, 2011, с.244].

После ограбления склеп № 19 длительное время оставался в заброшенном состоянии, однако, во второй половине VIII – IX вв. н. э. его погребальная камера, частично уже заполненная землёй со стороны дромоса, использовалась салтовским населением в качестве временного жилья-укрытия. На это указывает слой золы в юго-восточной, дальней от дромоса, части погребальной камеры. Этот слой остался, вероятно, от костров, которые жгли в камере, ещё сохранившей к этому времени перекрытие (следы огня хорошо заметны как на стенах, так и на блоках перекрытия, но только в юго-восточной части камеры).

Использование монументальных склепов античного времени под жильё известно и из раскопок других некрополей Европейского Боспора, причём здесь исследователи выделяют два этапа. Ранний – вторая четверть VI – первая половина VII вв. и более поздний - вторая половина VIII – IX вв. [Федосеев, Пономарёв, 2002, с. 225-228]. К сожалению, никаких вещей или их фрагментов, позволяющих определить время использования погребальной камеры склепа под жильё, в грунте её заполнения не найдено. Однако, с другой стороны, и на городище «Белинское», и на некрополе до сих пор не обнаружен материал, относящийся к периоду середины V – VII вв., в то

время как салтовское присутствие здесь прослеживается очень хорошо, в том числе и в виде строительных остатков помещений на раскопе «Восточный» (раскопки 2012 – 2013 гг.).

Ещё одним доводом в пользу отнесения жилого комплекса в склепе № 19 к салтовскому периоду может служить тамга на северо-восточной стене погребальной камеры ближе к её восточному углу (рис. 9). Тамги, как правило, напротив входа, известны в склепах Боспора сарматского времени. Они служили для определения родовой принадлежности склепа, использовавшегося на протяжении длительного времени [Федосеев, Пономарёв, 2012, с.500]. Однако, в нашем случае и расположение тамги, и сама форма знака исключают всякую возможность интерпретации её как знака сармато-аланской клановой принадлежности.

Форма знака имеет аналоги на предметах салтово-маяцкой культуры [Соболева, 2006, с. 35, рис. 7.11 или 7.16]. Интерпретация этих знаков различна – от родовой принадлежности до связи с божествами [Соболева, 2006, с. 34-36]. Нанесенный на стену погребальной камеры знак, скорее всего, выполнял охранные функции, подобные тем, что выполняли отдельные знаки у древних болгар, выступавшие как аналоги креста [Там же, с.36]. Интересно, что рядом с тамгой на стене погребальной камеры процарапан и крест (рис. 10). Отметим и то обстоятельство, что на городище «Белинское» в 2013 году на остатках вымостки (возможно, алтаря?) рядом с прямоугольным в плане помещением античного времени были обнаружены граффити, близкие к христианским знакам (рис. 11), известным, например, в некоторых малоазийских церквах, обращённых из языческих храмов [Стопами святых апостолов, 2012, с. 62-63]. Кресты, высекавшиеся на руинах античных храмов, уничтожались, по мнению христиан, силу демонов, населявших храм [Буассье, 1892, с. 234]. Возможно, именно эту функцию и выполняли крест и тамга в погребальной камере склепа № 19 в то время когда она использовалась под жильё.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М. 1966.
- Буассье Г. Падение язычества. М. 1892.
- Винокуров Н. И. Археологические памятники урочища «Артезиан» в Крымском Приазовье. М., 1998
- Винокуров Н. И. Греко-варварское взаимодействие в Крымском Приазовье в римское время (по материалам некрополя городища «Артезиан») // БФ. 2011. СПб., с. 236-244.
- Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.- Л., 1949.
- Джамолов Д. Д. Об определении видовой, половой и возрастной принадлежности поясничных позвонков скелета взрослого человека. М. 1978.
- Голенко В. К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь. 2007.
- Журавлёв Д. В. Понтийская Сигиллата: региональный феномен в Причерноморье // БФ. СПб. 2013, с. 676-685.
- Зубарев В. Г. К вопросу о периодах дестабилизации на Боспоре во второй половине III – начале V веков н. э. // БЧ. Керчь. 2005, с. 125-127.
- Зубарев В. Г., Ланцов С. Б., Минаев О. В. Склепы некрополя городища «Белинское» // БФ. СПб. 2007, с. 144-150.

- Зубарев В. Г., Куликов А. В.* Монетные находки с городища «Белинское»// ДБ. Том 15. М. 2011, с. 173-187.
- Зубарев В. Г.* Две могилы с «заплевиками» из некрополя городища «Белинское» в Восточном Крыму// ДБ. Том 17. М. 2013, с. 160-175.
- Колесников В. Л.* Информационное письмо об определении пола и возраста человека по надколеннику. М. 1980.
- Меженина Е. П., Куценок Я. Б., Печерский А.Т., Крук З.В.* Словарь эпонимических названий болезней и синдромов. Ортопедия и травматология. Киев. 1982.
- Молев Е. А.* Система обороны Китея// БИ. Вып. II. Симферополь. 2002, с. 297-312.
- Пашкова В. И.* Лабораторные и специальные методы исследований в судебной медицине. М. 1975.
- Пашкова В. И., Резников Б. Д.* Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. Саратов. 1978.
- Петерс Б. Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1986.
- Стопами святых апостолов: античность и христианство в Эгейском регионе// Церковно-исторический альманах Смоленской православной духовной семинарии. Смоленск. 2012.*
- Соболева Н. А.* Очерки истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета. М. 2006.
- Сон Н. А., Шапцев М. С.* Краснолаковая керамика из Тиры// Археологія і давня історія України. Вип. 8. Киев. 2012, с. 83-103.
- Тагер И. А.* Рентгенодиагностика заболеваний позвоночника. М. 1983.
- Федосеев Н. Ф., Пономарёв Л. Ю.* К трактовке некоторых артефактов некрополей Восточного Крыма// БФ. СПб. 2002. Часть I, с.225-228.
- Федосеев Н. Ф., Пономарёв Л. Ю.* Склеп № 6 на Кызаульском некрополе// ДБ. Том 16. М. 2012, с. 491-525.
- Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора. М. 1997. Часть II.
- Храпунов И. Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке// БИ. Вып. VI. Симферополь. 2004.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А.* Склепы с захоронениями III в. н. э. из могильника Нейзац// БЧ. Керчь. 2004, с.375-377.

В.Г. Зубарев, Д.Ю. Пономарьев, В.О. Єфіменок

НОВИЙ СКЛЕП З ПІВДИРКУЛЬНИМ ПЕРЕКРИТТЯМ РИМСЬКОГО ЧАСУ З РОЗКОПІВ НЕКРОПОЛЮ ГОРОДИЩА «БЕЛІНСЬКЕ»

Резюме

У 2012 році на некрополі городища «Белінське», розташованому у Північному Криму, був досліджений склеп № 19. В статті розглядаються конструктивні особливості склепу, дається характеристика збереженого поховального інвентаря та докладний аналіз антропологічного матеріалу. Визначається час функціонування склепу у якості поховальної споруди (з кінця II ст. н.е. по 60-і роки III ст. н.е.). Окремо розглядається питання про графіті салтовського часу у вигляді тамги та хреста на східній стіні склепу. Робиться висновок про охоронні функції цих знаків під час використання склепів під житло.

В. Г. Зубарев, Д. Ю. Пономарёв, В.А. Ефименко

НОВЫЙ СКЛЕП С ПОЛУЦИРКУЛЬНЫМ ПЕРЕКРЫТИЕМ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ
ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ»

Резюме

В 2012 году на некрополе городища «Белинское», расположенном в Восточном Крыму, был исследован склеп № 19. В статье рассматриваются конструктивные особенности склепа, даётся характеристика сохранившегося погребального инвентаря и подробный анализ антропологического материала. Определяется время функционирования склепа в качестве погребального сооружения (с конца II в. н. э. по 60-е годы III в. н. э.). Отдельно рассматривается вопрос о граффити салтовского времени в виде тамги и креста на восточной стене склепа. Делается вывод об охранительных функциях этих знаков в период использования склепа под жильё.

V.G. Zubarev, D.Y. Ponomarev, V.A. Efimenok

A NEW CRYPT OF ROMAN TIMES WITH SEMICIRCULAR VAULTING FROM
EXCAVATIONS OF SETTLEMENT «BELINSKOYE» NECROPOLIS

Summary

In 2012, the crypt 19 was investigated in the necropolis of ancient settlement «Belinskoye», located in the Eastern Crimea. The article deals with the design features of the crypt, the characteristic of extant burial inventory and a detailed analysis of anthropological material. Time of functioning as a burial crypt structure (since the end of the 2nd century AD to the 60s of the 3rd century AD) is determined. Saltov time graffiti as tamgas and the cross on the eastern wall of the crypt are discussed separately. The conclusion is made about protective functions of these sign in the period of use of the crypt under the housing.

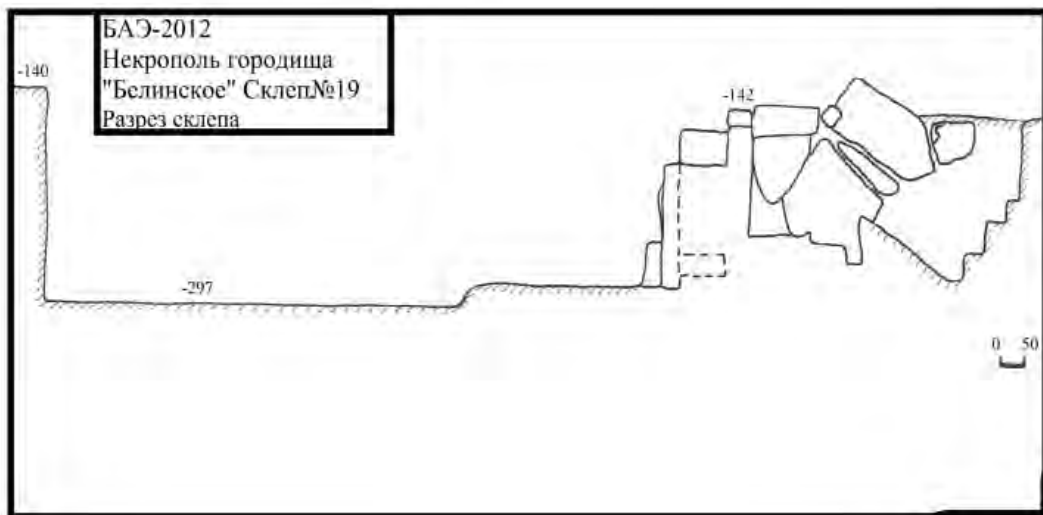
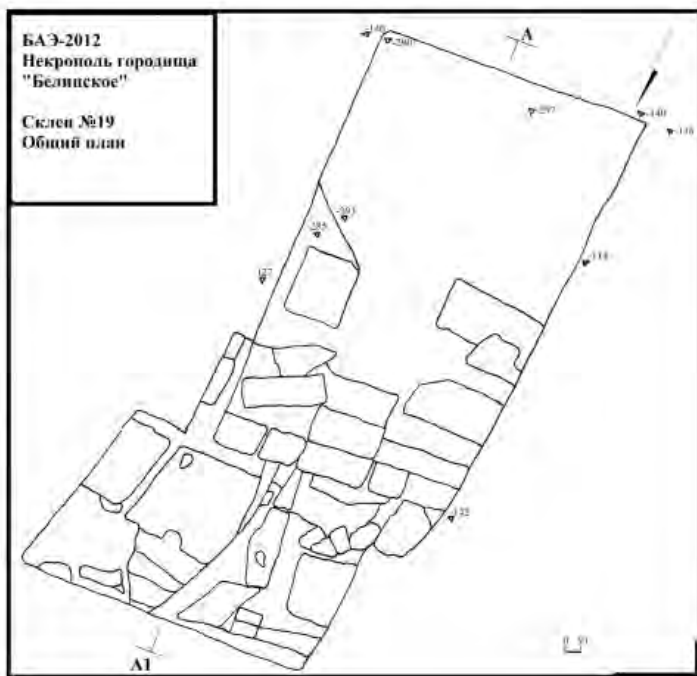

Рис. 1. Общий план и разрез склепа № 19.

Рис. 2. Склеп № 19. Вид с северо-запада.

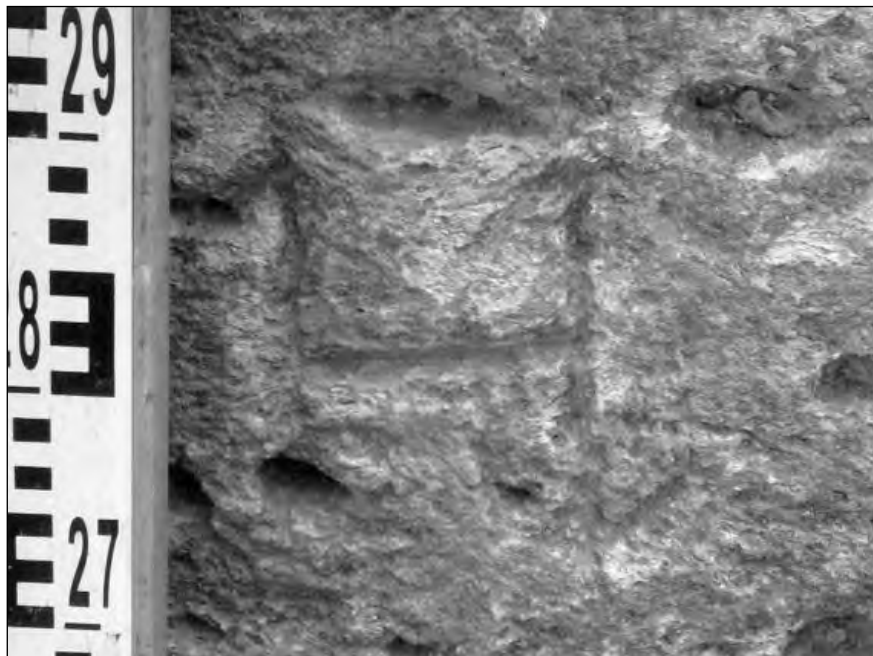

Рис. 3. Строительная метка на стене погребальной камеры склепа № 19.

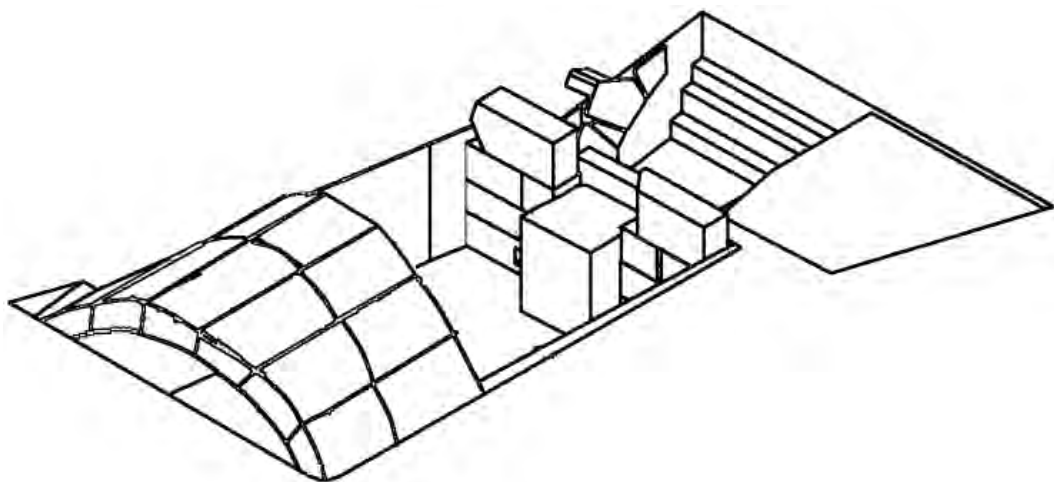

Рис. 4. Склеп № 19. Реконструкция.

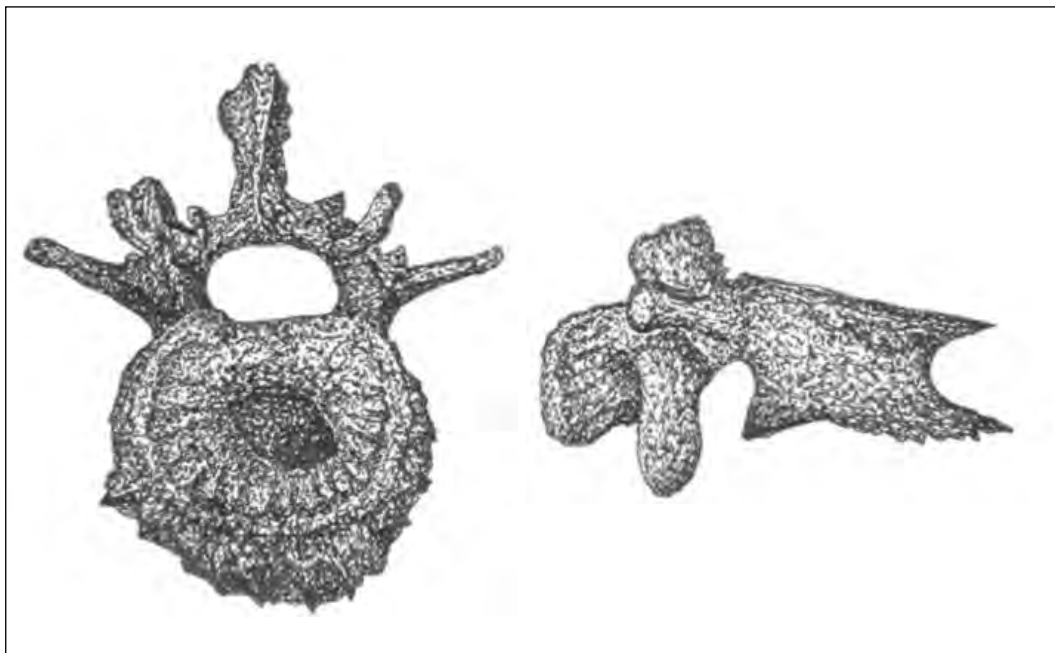

Рис. 5. Третий поясничный позвонок. Вид сверху и справа сбоку. Болезнь Кюммеля-Вернея.

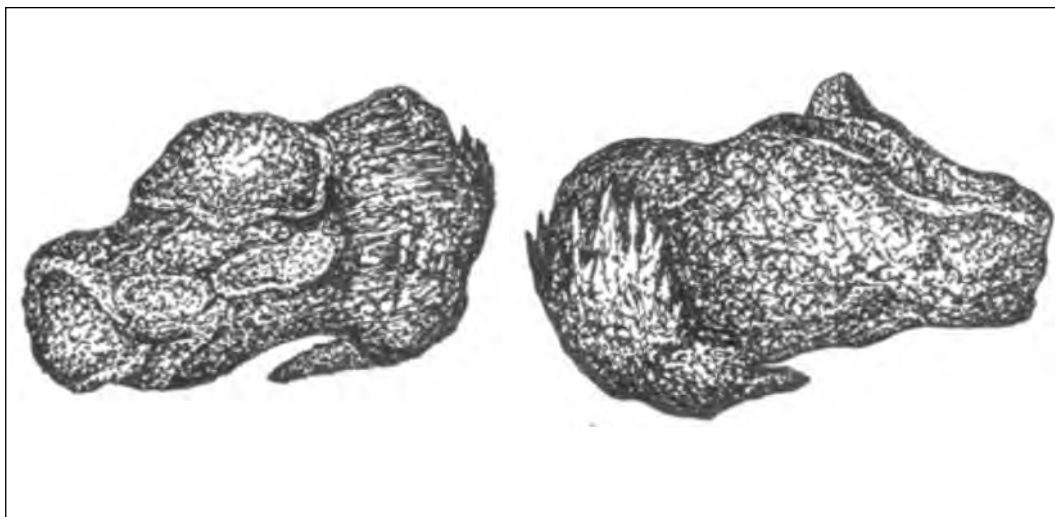

Рис. 6. Правая пяточная кость. Наружная и внутренняя поверхности. Остеофиты в месте прикрепления пяточного сухожилия и подошвенного апоневроза.

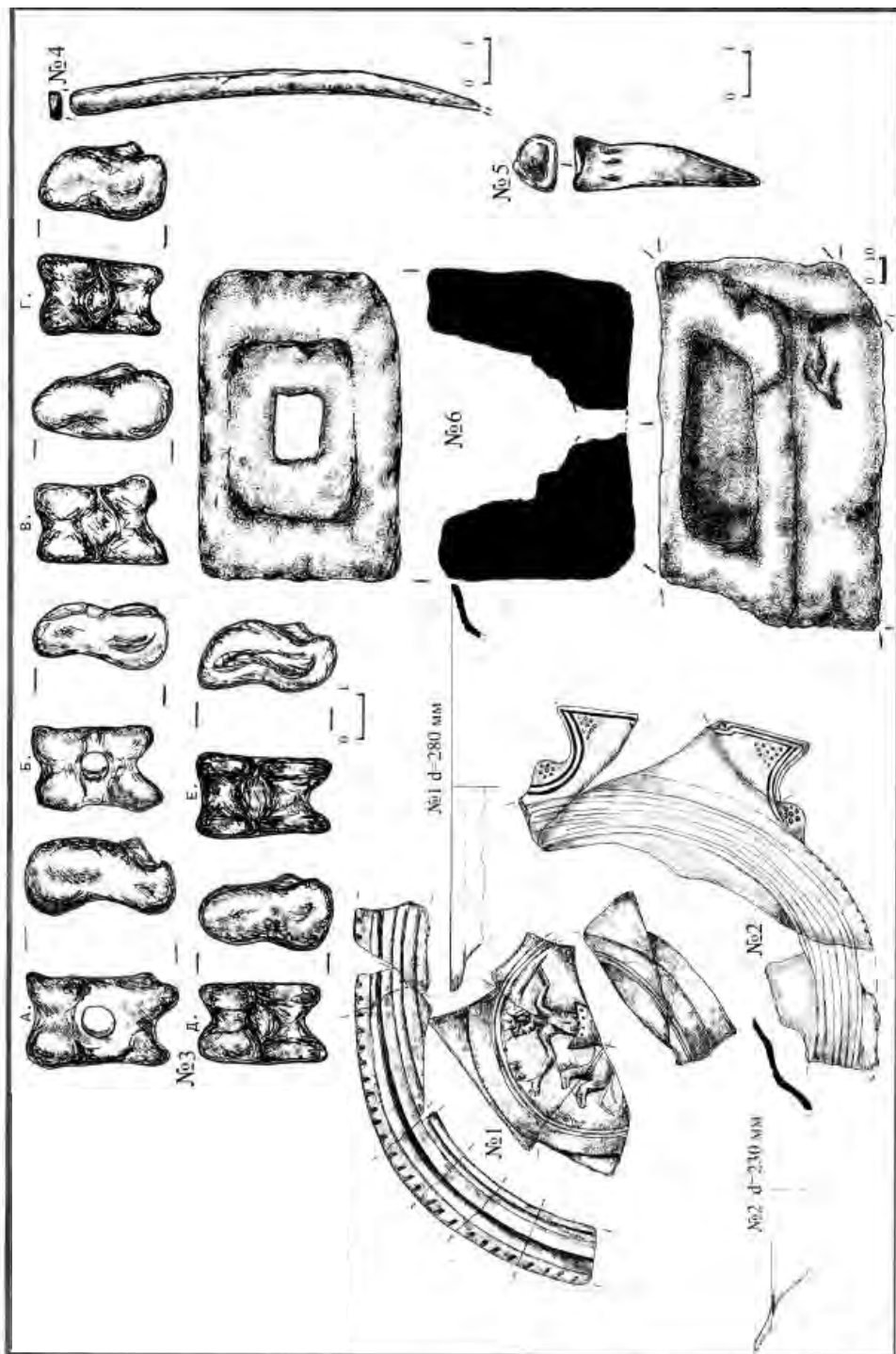

Рис. 7. Погребальный инвентарь из грунта заполнения погребальной камеры склепа № 19.

Рис. 8. Денарий Рескупорида V.

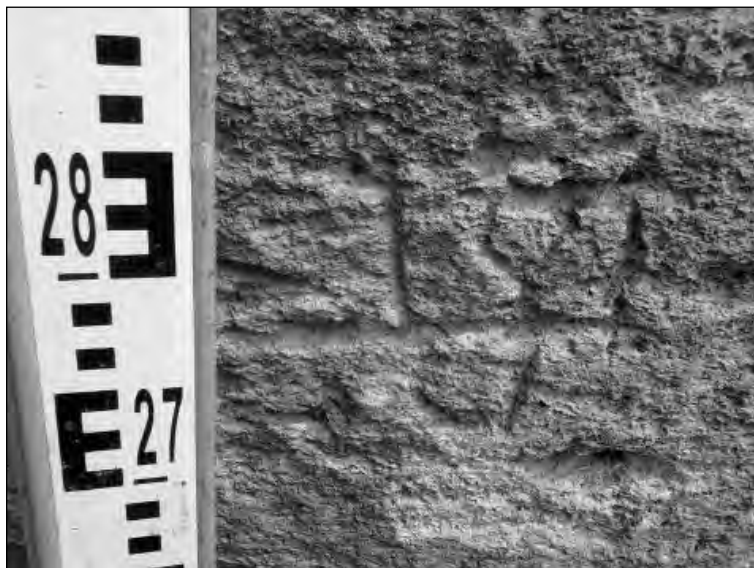

Рис. 9. Тамга на северо-восточной стене погребальной камеры склепа № 19.

Рис. 10. Крест и тамга на северо-восточной стене погребальной камеры склепа № 19.

Рис. 11. Граффити на плитах вымостки (городище «Белинское, раскоп «Восточный»).